

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ОКТАБРЬ.

№ 23.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАЗСКАЗЪ КОСУЛИ.
ОСЕННИЙ МОТИВЪ (стих.).
ФРОСЯ И ФРИНА (повѣсть).
ОКТАБРЬ (стих.).
ДВѢ ДѢВОЧКИ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

№ 23. Октябрь, 1913. Годъ издания VI-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Урокъ музыки.

РАЗСКАЗЪ КОСУЛИ.

Я родилась на Кавказѣ, на Черноморскомъ берегу, въ лѣсу, поднимавшемся въ горы, заходившія за облака. Когда я оглянулась кругомъ, то увидѣла себя въ уютномъ логовищѣ, вытоптанномъ среди густого кустарника. Около меня стояла моя мать и смотрѣла на меня восторженными глазами.

— Лежи, лежи, не вставай! сказала она.—Ты еще очень слаба!

Она стала облизывать меня. Я хотѣла было подняться на ножки и не смогла. Она ласково толкнула меня своей тупой мордочкой и я опять легла.

— Успѣешь еще бѣгать, продолжала мать.— Лежи и грѣйся на солнцѣ!

Затѣмъ я задремала. Я слышала, какъ мать заплела вокругъ меня вѣтки, чтобы меня никто не замѣтилъ, и ушла. Возвратившись, она опять расплела вѣтки и дала мнѣ пососать молочка. Такъ, среди дня, она уходила и приходила нѣсколько разъ и всякій разъ скрывала меня подъ вѣтвями.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? спросила я ее.

— Чтобы тебя въ мое отсутствіе никто не замѣтилъ, отвѣтила она.— Мало-ли кто можетъ тебя обидѣть? Ты еще маленькая!

— Куда-же ты ходишь?

— Пастись. Вѣдь мы, косули, такъ прихотливы на ѣду, что долго ищемъ, гдѣ листочки повкуснѣе. Вотъ подожди, подрастешь, — и я покажу тебѣ, какъ отыскивать молодые побѣги, ягоды и древесныя почки. Когда-нибудь мы сходимъ съ тобой и въ засѣянные челоувѣкомъ поля. Тамъ растутъ очень вкусныя колосья. Мы ихъ любимъ. Въ особенности-же они вкусны, когда предварительно полижешь соли, которая выступила на берегу ближайшаго лѣснаго озерка.

Восемь дней прoderжала меня мать въ логовищѣ, скрывая въ вѣтвяхъ. На девятый день, когда я попросила у нея молочка, то она толкнула меня мордочкой и сказала:—

— Пососи, да и пойдемъ. Теперь ужъ пора!

Я пососала, она раздвинула затѣмъ вѣтки и я выскочила на волю. Ахъ, какъ все кругомъ показалось мнѣ интереснымъ! Я увидѣла голубое небо, деревья, зеленую траву и вдалекѣ громадную массу воды, которая едва замѣтной линіей сходилась съ небомъ.

— Мама, что это такое? спросила я у матери.

— Это море, отвѣтила она,—но пойдемъ, уже пора. Я покажу тебя сейчасъ твоему отцу.

Мы вышли на опушку лѣса и вдругъ встрѣтили красивую косулю, у которой на головѣ были рожки съ восемью кончиками. Это и былъ мой отецъ.

— А, здравствуйте! крикнулъ онъ намъ.—Добро пожаловать!

Я подошла къ нему поближе, онъ обнюхалъ меня со всѣхъ сторонъ и вдругъ радостно воскликнулъ:

— Какая хорошенькая!

Мнѣ было пріятно, что я понравилась отцу, и я стала прыгать отъ радости такъ, что удивилась сама себѣ. Напрыгавшись, я легла на траву, подобравъ подъ себя ножки, а мать и отецъ все время ходили около меня и щипали траву. Каждые полчаса ко мнѣ подходила мать и кормила меня молочкомъ. А я все время лежала на травѣ.

Когда наступилъ вечеръ, то мы уже не вернулись къ себѣ въ логовище, а тутъ-же и заночевали, гдѣ паслись. Такъ продолжалось еще четыре дня. На пятый день отецъ сказалъ:—

— Пойдемте! Маленькой уже исполнилось 12 дней. Теперь она уже свободно можетъ бѣгать за нами!

И мы стали бродить по всему лѣсу. Мы составляли одну семью и когда намъ попадались другія семьи косулей, то мы нѣкоторое время гуляли вмѣстѣ, а потомъ каждая семья уходила своей до-

рогой. Я все еще питалась молочкомъ матери, а отецъ и мать ѣли попадавшіяся по пути ягоды, свѣжіе листья и молодые побѣги. Когда имъ хотѣлось пить, то они слизывали съ листьевъ росу или капельки дождя,—и этого было съ нихъ довольно. Попадались намъ по пути и горные ручьи, но они были мутны и родители не пили изъ нихъ. Косули мутной воды не пьютъ.

Однажды, уже подъ вечеръ, когда солнце большимъ краснымъ кругомъ заходило въ море и мы собирались уже сдѣлать привалъ на ночь, мой отецъ вдругъ вздрогнулъ, остановился, какъ вкопанный, и насторожилъ уши.

— Будьте осторожны! сказалъ онъ.—Идетъ волкъ!

Онъ тотчасъ-же отбѣжалъ въ сторону и въ знакъ опасности сталъ ударять передней ногой по землѣ. Моя мать стала около меня. У меня забилося сердце отъ страха. Волкъ долго не появлялся. Слухъ, чутье и зрѣніе у насъ превосходны и отецъ не могъ ошибиться. Онъ почувалъ волка еще издали. Я не помню, сколько времени мы ожидали, но когда наконецъ онъ появился и въ свою очередь почувалъ насъ, то отецъ отбѣжалъ въ сторону еще дальше, мать толкнула меня мордочкой такъ, что я упала, и крикнула мнѣ:

— Лежи! Прижмись къ землѣ и не трогайся съ мѣста! Я и отецъ

должны сейчас обмануть волка и спасти тебя!

И она бросилась отъ меня бѣжать, покинувъ меня одну. Я прижалась къ землѣ и отъ страха стала плакать.

— Мама, мама! кричала я. — Вернись!

— Молчи и неподавай даже виду, что ты здѣсь! крикнула мнѣ мать издалека.

Въ это время, завидѣвъ моего отца, волкъ кинулся на него. Отецъ сдѣлалъ громадный прыжокъ, увернулся и убѣжалъ. Тогда волкъ бросился на мою мать, она сдѣлала то-же, что и отецъ, и тоже убѣжала. Волкъ растерялся и погнался за ними вдогонку. Они убѣгали отъ него въ глубину лѣса, дѣлали громадные прыжки, чтобы сбить его со слѣда, и наконецъ завели его въ такую трудную, что онъ потерялъ ихъ изъ виду и остался ни съ чѣмъ. Часъ спустя, они оба вернулись ко мнѣ усталые, измученные, но довольные, что отвлекли вниманіе волка отъ меня, и завели его далеко въ лѣсъ.

— Но отчего ты такая мокрая? спросила я у матери.

Я переплывала два раза черезъ рѣку, отвѣтила она,—чтобы волкъ потерялъ нашъ слѣдъ и опять не добрался до тебя.

— Значить, насъ не можетъ обидѣть никто? продолжала я.

Отецъ глубоко вздохнулъ.

— Увы, сказалъ онъ.—Мы боимся неожиданности и этимъ пользуются наши враги. Стоитъ только кому-нибудь испугать насъ неожиданно,—и мы уже пропали. Тогда мы уже не убѣгаемъ, а безпомощно вертимся на одномъ мѣстѣ и не знаемъ, что дѣлать. Но не будемъ объ этомъ говорить!

Два дня спустя, повторилась та же самая исторія. Отецъ и мать захотѣли полакомить меня свѣжими колосьями пшеницы и вывели изъ лѣса. Въ первый разъ въ жизни я увидала такое широкое пространство. Передъ нами раскинулось безграничное голубое море, по склонамъ берега тянулись зеленныя поля уже закосившейся пшеницы, вдалекѣ справа, утопая въ зелени, виднѣлось чье-то богатое имѣніе, а позади насъ возвышались голубыя горы, заходившія за облака. Было очень красиво. Мы остановились у опушки лѣса и стали оглядываться по сторонамъ.

— Опять волкъ! воскликнулъ отецъ.— Впрочемъ, нѣтъ, это не волкъ, а собака!

И въ знакъ опасности онъ застучалъ передней ногой о землю.

Я прижалась брюхомъ къ землѣ и замерла. Собака приближалась.

— Бѣжимъ въ разныя стороны! крикнулъ отецъ матери.— Собьемъ съ толку и собаку!

И, оставивъ меня одну, они бросились бѣжать. Собака кинулась за ними и еще долго я слышала

ея лай, доносившійся до меня изъ глубины лѣса. Значить, мои родители завлекли ее за собой въ лѣсъ.

И вдругъ я услышала около себя чей-то дѣтскій, ласковой голось:—

— Мадмуазель, посмотрите, какая хорошенькая козочка!

Я подняла голову и увидала около себя маленькую дѣвочку и съ ней ея гувернантку. Обѣ были одѣты въ бѣлыя платья и были подъ зонтиками. Вѣроятно, онѣ были изъ той усадьбы, которая виднѣлась вдалекѣ.

— Возьмите ее съ собой! сказала дѣвочка.— Бѣдняжка, какъ она дрожить! Вотъ бы намъ такую въ паркъ въ наше имѣніе въ Россію!

Она нагнулась и подняла меня съ земли. Я не смѣла ей противиться и прижалась къ ея груди. Онѣ направились вмѣстѣ со мной къ усадьбѣ.

И вдругъ я услышала жалобный дрожащій голось моей матери. Возвратившись изъ лѣса и не найдя меня на мѣстѣ, она догадалась, что меня взяли, и побѣжала слѣдомъ за дѣвочкой и ея гувернанткой.

— Отдайте ее, отдайте! мычала она по своему и все время, какъ послушная собачка, бѣжала за людьми.— Отдайте мнѣ мою дочь!

И въ то-же время она высовывала свой сѣрый языкъ и старалась меня лизнуть.

Такъ пробѣжала она за людьми съ полверсты, умоляя ихъ возвратить имъ меня.

— Знаешь, что, Вѣрочка? обратилась къ дѣвочкѣ гувернантка.— Отпусти ее! Видишь, какъ объ этомъ просить ея мать?

Дѣвочка остановилась на минутку и подумала. Видъ моей матери растрогалъ ее.

— Ну, хорошо! сказала она.

И, крѣпко поцѣловавъ меня въ носикъ и въ лобъ, она спустила меня на землю. Мать обрадовалась и стала прыгать на мѣстѣ. Изъявивъ такимъ образомъ свою радость, она повела меня обратно въ лѣсъ къ отцу. А онъ ужъ давно ожидалъ насъ у опушки и безпокоился, что насъ такъ долго нѣтъ.

Мнѣ ужасно понравились люди. Если они всѣ такіе, какъ эта милая Вѣрочка и ея гувернантка, то они вовсе не страшны. Теперь я ихъ буду любить.

И я рассказала матери и отцу исторію моего похищенія. Они выслушали меня съ глубочайшимъ вниманіемъ.

— Все-таки впередъ нужно быть осторожнѣе! сказалъ отецъ.— Мало-ли что могло-бы съ тобой случиться безъ насъ?

Этой Вѣрочки я не забуду никогда. Ея поцѣлуй еще горѣлъ у меня на лбу, а ея черты запечатлѣлись въ моемъ мозгу навсегда. Я могла-бы узнать ее черезъ нѣ-

сколько лѣтъ и изъ тысячи такихъ-же дѣвочекъ, какъ и она.

Прошло восемь мѣсяцевъ. За это время я сдѣлалась уже со-всѣмъ взрослой косулей и должна была оставить своихъ родителей и начать самостоятельную жизнь. Была весна. Наша сѣробо-бурая окраска шерсти, которую мы проносили на себѣ всю зиму, стала опять превращаться въ темно-каштановую и однажды, поглядѣввшись на себя въ воду, я очень осталась довольна собой. Я дѣйствительно была красива и стройна.

— Ну, обратилась ко мнѣ мать, — теперь мы должны съ тобой разстаться. Ты уже выросла большая и должна сама добывать себѣ пропитаніе и имѣть свою собственную семью. Прощай!

— Пойдите, пойдите! вдругъ испуганно шепнулъ намъ отецъ. — Тамъ кто-то идетъ!

Онъ отошелъ отъ насъ въ сторону и насторожился. Мы обѣ остались поодаль вмѣстѣ и приготовились слушать.

Какъ вдругъ грянулъ выстрѣлъ. Отецъ запатался и упалъ. Это было такъ неожиданно для матери и для меня, что мы испугались, смутились и не знали, что дѣлать. Вмѣсто того, чтобы бѣжать, мы затоптались на одномъ мѣстѣ, жалобно закричали дрожащими голосками и прижались одна къ другой. Страхъ овладѣлъ всѣмъ

нашимъ существомъ, у насъ точно отнялись ноги и когда велѣдъ затѣмъ изъ чащи выбѣжали два человѣка, поймали насъ и привязали намъ веревки за шеи, то мы не нашли даже, что дѣлать. Затѣмъ одинъ изъ нихъ взвалилъ моего отца къ себѣ на плечи, а другой повелъ насъ, какъ телятъ, за веревку и мы вышли изъ лѣса. Мы послушно послѣдовали за людьми туда, куда они насъ повели.

— А славныя двѣ косульки поймались намъ! сказалъ одинъ изъ нихъ другому. — Глупыя! Такъ и даются живыми въ руки!

— И этотъ, убитый, тоже хорошъ! отвѣтилъ другой. — Пуда полтора будетъ! Его надо отнести въ усадьбу къ господамъ. Онъ теперь вкусный!

Насъ привели въ усадьбу. Все время мы дрожали отъ страха и смотрѣли другъ на дружку большими, испуганными глазами. Завидѣвъ насъ изъ окна, къ намъ вышелъ какой-то господинъ и ласково похлопалъ насъ по щеямъ.

— Это хорошо, что вы привели ко мнѣ этихъ двухъ косулекъ живьемъ, обратился онъ къ людямъ. — Я ихъ у васъ куплю. У меня уже ходитъ одна въ паркѣ, въ моемъ имѣніи, въ Россіи, и чувствуетъ себя тамъ отлично. Ее очень любить моя дочь. Но та косуля—самецъ, съ рогами, а эти двѣ—самки безъ роговъ.

Онъ уплатилъ за насъ деньги и оставилъ насъ у себя. Охотники ушли. Насъ продержали цѣлыя сутки въ сарайчикѣ, гдѣ намъ было страшно и мы всю ночь не спали и кричали, а затѣмъ пришелъ плотникъ и сколотилъ для насъ клѣтку. Насъ посадили въ нее и повезли на телѣгѣ на пароходъ. Мы ѣхали до пристани цѣлыя двадцать верстъ и отъ тряски намъ было дурно.

— Куда насъ везутъ? ужасалась мать.—Что мы теперь будемъ дѣлать?

Мы пріѣхали къ пристани ночью. Было темно, дулъ рѣзкій вѣтеръ и сильно шумѣло море. Отъ страха мы какъ-то ушли въ себя, боялись двигаться и теперь, послѣ всего пережитого нами за эти два дня, мы могли ожидать только одной смерти, какъ избавленія отъ страданій.

Затѣмъ насъ грузили на пароходъ. Вокругъ насъ бѣгали рабочіе, хрустя ногами по разсыпанному углю, гремѣли цѣпи, валились кучи товара и бочки и откуда-то сбоку доносилось рѣзкое шипѣніе пара. Ровно въ полночь раздался невыносимый гудокъ парохода и онъ отчалилъ. Мы качались по волнамъ. Намъ казалось, что вмѣстѣ съ нами качалась темнота и звѣзды, смотрѣвшія на насъ съ неба, и что отъ завыванія вѣтра и отъ работы машины надъ нами и подъ нами

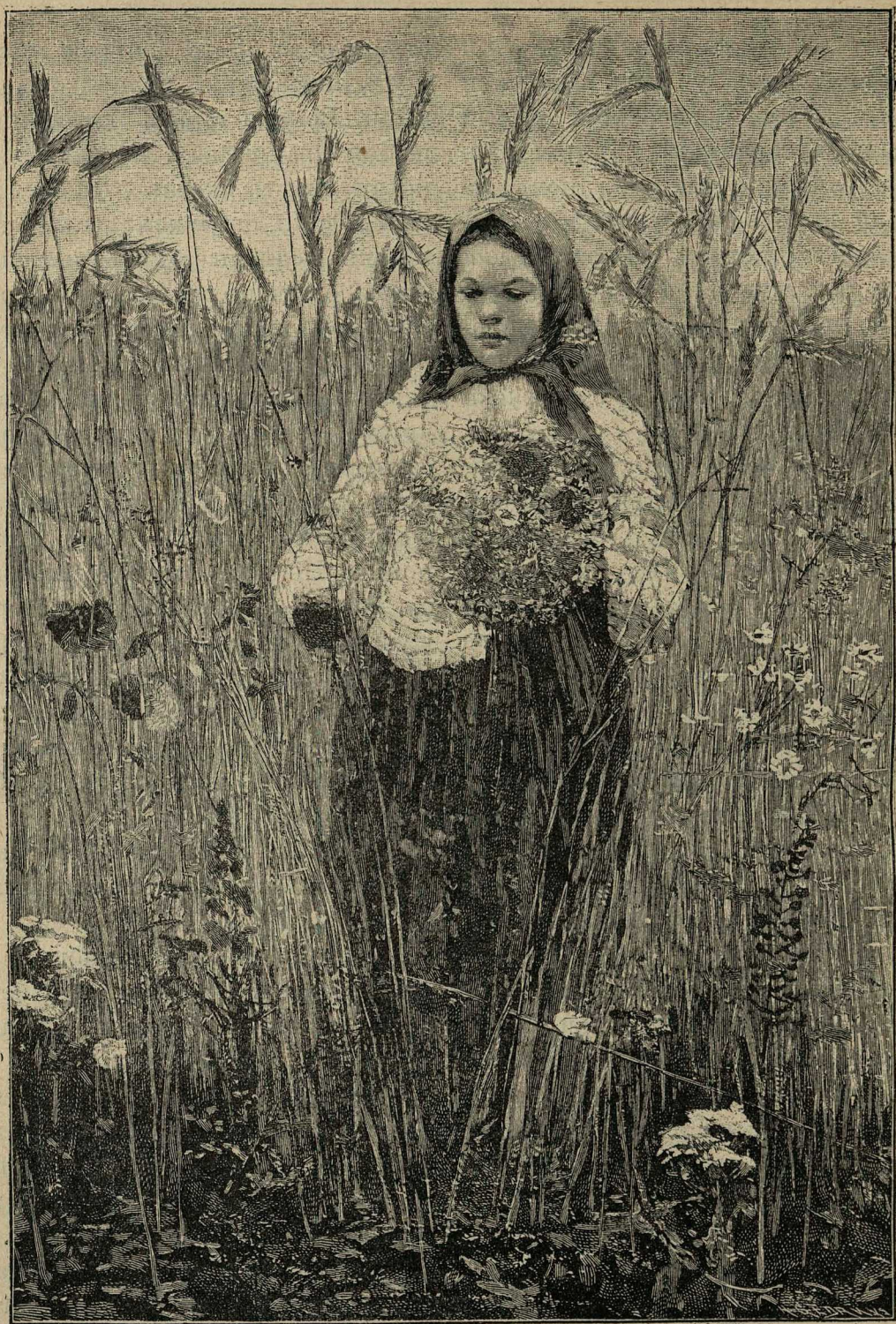
страдало какое-то большое животное, закованное человѣкомъ въ цѣпи. Воняло гарью, канатами и рыбой и повсюду, насколько мы могли видѣть сквозь рѣшотки нашей клѣтки, были навалены бочки, мѣшки, желѣзные брусья и ящики.

Мы опять не спали цѣлую ночь. Къ утру рѣзкій вѣтеръ сталъ еще рѣзче и пронизывалъ насъ насквозь. Мы тѣсно прижались однакъ другой. Теперь уже мы могли разсмотрѣть все, потому что наступилъ разсвѣтъ, и намъ уже не было такъ страшно, какъ вчера ночью. Но за то теперь мы видѣли передъ собою мачту, которая качалась вправо и влево мѣрно и не спѣша, какъ маятникъ, и это наводило на насъ такую тоску, что намъ было дурно и мы ничего не могли ѣсть, хотя не ѣли уже двое сутокъ.

— Ахъ, какъ мнѣ страшно! Какъ страшно! все время вздыхала моя мать.

Къ полудню мы прибыли въ Новороссійскъ. Здѣсь насъ перегрузили изъ парохода въ темный товарный вагонъ и повезли на сѣверъ. Мы слышали, какъ свистѣли локомотивы, какъ подъ нами гремѣли колеса, но не видѣли ничего. Въ темнотѣ мы даже потеряли счетъ днямъ и ночамъ. Я не знаю, сколько сутокъ мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, но когда, наконецъ, поѣздъ остановился и насъ выгрузили изъ вагона, то

В о р ж и .

... Онъ отошелъ отъ насъ въ сторону и насторожился. Мы обѣ остановились поодаль и приготавились слушать.

было тепло, ярко свѣтило солнце и весело щебетали птицы. Какой-то господинъ принялъ насъ съ поѣзда и бережно установилъ нашу клѣтку на телѣгу.

— Бѣдняжки! ласково обратился онъ къ намъ. — Вы, должно быть, очень устали... Ну, да ничего! Отдохнете! У насъ хорошо!

И, приказавъ своему человѣку везти насъ какъ можно осторожноѣе, онъ сѣлъ въ поданный ему экипажъ и умчался впередъ насъ.

Мы ѣхали недолго, всего только пять верстъ. Насъ привезли въ великолѣпное имѣніе съ роскошнымъ, стариннымъ, громаднымъ паркомъ. Двое рабочихъ взяли нашу клѣтку на руки и внесли въ самую глубину парка.

— Ну, теперь выпустите ихъ на свободу! скомандовалъ имъ тотъ самый господинъ, который получилъ насъ съ поѣзда.

Они отодрали топорами планки рѣшотки и мы пугливо вышли изъ клѣтки на свободу.

Господи, какъ здѣсь показалось намъ привольно и хорошо! Густыя, тѣнистыя деревья, сочная, высокая трава, сверкашіе серебромъ пруды — все это произвело на меня и на мать впечатлѣніе волшебнаго сна. Мы оглядѣлись по сторонамъ и стали радостно прыгать. Напрыгавшись и размявши свои члены, мы принялись жадно ѣсть траву.

И вдругъ мы услышали радостный, дѣтскій голосъ: —

— Смотрите, мадмуазель, какія прелестныя косули! кричала дѣвочка лѣтъ десяти и тянула за собой свою гувернантку. Обѣ онѣ были одѣты въ бѣлыя платья и держали въ рукахъ зонтики.

Я взглядѣлась въ дѣвочку и сразу же узнала ее. Это была моя старая знакомая Вѣрочка, съ которой я познакомилась въ прошломъ году на Кавказѣ, когда она взяла меня маленькую на руки и отпустила потомъ на свободу.

Мы любимъ ласковое обращеніе и очень довѣрчиво относимся къ людямъ. Я и мать подпустили Вѣрочку и ея гувернантку близко къ себѣ и дали имъ себя приласкать. Вѣрочка гладила насъ по шеямъ, цѣловала насъ въ самыя мордочки и въ лобъ и все приговаривала: —

— Милыя! хорошія! Я васъ буду очень любить!

Послѣ столькихъ перенесенныхъ страданій мы не ожидали, что намъ будетъ такъ хорошо, и почувствовали себя, какъ дома. Мы никого не боялись, гуляли по всему парку, а когда къ намъ приходила Вѣрочка и начинала насъ ласкать, то мы играли съ ней и шутя хватили ее за пуговицы, дѣлая видъ, что хотимъ ихъ откусить.

Къ намъ скоро присоединился самецъ — косуля, жившій въ паркѣ уже второй годъ, мы сдружились съ нимъ и стали гулять по парку

уже втроемъ. Мы были довольны, намъ ничего не было нужно кроме ласки и любви, мы здѣсь имѣли ихъ отъ людей, и это наполнило намъ жизнь. Когда мы приываемъ къ людямъ, то начинаемъ ихъ любить и забываемъ для нихъ о своей родинѣ. А здѣсь къ

тому-же былъ еще и прекрасный паркъ, о которомъ мы даже и не смѣли мечтать.

Но вотъ идетъ Вѣрочка. Сейчасъ она будетъ меня ласкать и я должна съ ней играть. Я — ея любимица. Пора кончать.

С. Вершининъ.

ОСЕННИЙ МОТИВЪ.

Не растутъ деревья пышно,
Не цвѣтутъ цвѣты,
Птиць въ лѣсу уже не слышно...
Осень, это—ты!

Въ теплый край ужъ улетѣли
Съ крикомъ журавли...
Голо все и только ели
Хмурятся вдали.

Грязь и лужи по дорогѣ,
Въ пять часовъ ужъ тьма...
Подожди еще немного,—
Скоро и зима!

Ирисъ.

ФРОСЯ И ФРИНА.

ПОВѢСТЬ.

Петръ Гавриловичъ уходилъ на службу рано и возвращался поздно и все хозяйство лежало на рукахъ у гувернантки Амаліи Францевны. Она учила дѣтей нѣмецкому языку и въ свободные вечера читала имъ вслухъ про животныхъ и людей. Вова и Настя жили въ Петербургѣ, отлично знали всѣхъ звѣрей и птицъ, но сроду не видали живого пѣ-

туха, а про пастуховъ и пастушекъ думали, что они носятъ широкополыя соломенные шляпы съ лентами и ходятъ въ чулкахъ, какъ это рисуется обыкновенно на картинкахъ въ нѣмецкихъ книжкахъ для послушныхъ дѣтей. Когда Амалія Францевна читала о крестьянахъ, то дѣти воображали, что во всѣхъ деревняхъ настроены не избы, а швей-

царскіе домики и что всѣ мужики ходятъ въ вышитомъ крестиками бѣльѣ и утираются полотенцами съ вышитыми на нихъ лошадками и пѣтушками. Однимъ словомъ, это были настоящія петербургскія дѣти, которыя видятъ животныхъ только въ книжкахъ, да на вывѣскахъ мясныхъ лавокъ. На дачу они не выѣзжали, такъ какъ папа былъ постоянно занятъ. Дѣти гуляли только по тротуарамъ въ обществѣ Амаліи Францевны и своей собаки Фрины и даже рѣдко бывали въ скверахъ и садахъ, потому что боялись ходить туда съ собакой.

Какъ-то въ самомъ началѣ мая Амалія Францевна получила съ родины письмо, что выходитъ замужъ ея сестра. Она обрадовалась, засуетилась и стала собираться домой. Думали они, думали съ Петромъ Гавриловичемъ, какъ бросить дѣтей однихъ, и рѣшили сдѣлать такъ: у Петра Гавриловича былъ братъ Сергѣй Гавриловичъ, который постоянно жилъ въ Крыму. У него было небольшое имѣніе на берегу моря между Севастополемъ и Ялтой. Онъ былъ крестнымъ отцомъ Вовѣ и давно ужъ приглашалъ дѣтей къ себѣ погостить, да все никакъ нельзя было ихъ туда отправить. Они были еще малы. Теперь-же Петръ Гавриловичъ написалъ къ брату письмо, что посылаетъ къ нему дѣтей однихъ съ собакой

Фриной, что онъ надѣется, что въ дорогѣ ихъ никто не обидитъ, и только проситъ встрѣтить ихъ на конечной станціи.

Скоро отъ Сергѣя Гаврилыча пришелъ отвѣтъ, что онъ и его жена съ нетерпѣніемъ ждутъ приѣзда дѣтей и встрѣтятъ ихъ съ распростертыми объятіями сами, прямо изъ вагона. Они также надѣются, что дѣтей никто въ дорогѣ не обидитъ, но пусть лучше Петръ Гаврилычъ, сажая ихъ въ поѣздъ, поручитъ ихъ присмотру оберъ-кондуктора.

Петръ Гаврилычъ собралъ дѣтей, усадилъ ихъ и Фрину въ вагонъ, указалъ на нихъ оберъ-кондуктору и отправилъ ихъ въ далекій путь.

— Прощайте, дѣти! кричалъ онъ имъ вслѣдъ.—Скажите дядѣ, чтобы онъ мнѣ написалъ! Да, смотрите, не шалите въ дорогѣ!

— До свиданія, папочка! въ свою очередь кричали ему Вова и Настя.—Пиши намъ! Будь здоровъ!

Скоро городъ съ вокзаломъ и съ папой скрылся у нихъ изъ виду, потянулись поля и лѣса и замелькали станціи и желѣзнодорожныя будки. Все это было ново для дѣтей, неожиданно и полно такого интереса, что они скоро забыли объ отцѣ и Петербургѣ и, высунувшись изъ вагона, все глядѣли на развертывавшіяся передъ ними картины.

— Ахъ, какой хорошенькій лужокъ! вскрикивала Настя.

— Теленокъ! Теленокъ! кричалъ въ удивленіи Вова.— Смотри, маленькая коровка!

А поѣздъ все бѣжалъ и бѣжалъ по лугамъ и черезъ лѣса, гремя и стуча, и съ каждымъ оборотомъ колесъ все дальше и дальше уходилъ на югъ. Дѣтямъ ужасно хотѣлось увидѣть по дорогѣ швейцарскіе домики и пастушковъ и пастушекъ въ соломенныхъ шляпахъ и чулкахъ, но они почему-то не попадались. Вмѣсто нихъ тянулись сначала темныя, бревенчатыя избы, крытыя соломой, а потомъ бѣлыя мазанки, а пастушковъ и пастушекъ замѣняли чумазые Ваньки и Гришки въ отцовскихъ шапкахъ и большихъ сапогахъ.

Затѣмъ наступилъ вечеръ, спустилась ночь и дѣти улеглись спать. Пассажиры заинтересовались ими, устроили имъ постели, накормили ихъ и Фрину и заботливо уложили ихъ на верхнія лавки, чтобы никто не могъ побезпокоить ихъ въ пути. Они спали такъ крѣпко, какъ не спали, кажется, еще ни разу въ жизни. Свѣжій воздухъ опьянялъ ихъ, а вагонная тряска укачала ихъ такъ, что они проспали до восьми часовъ утра.

Когда они проснулись, то поѣздъ стоялъ на какой-то большой станціи. Свѣтило солнце. Дѣти

вскочили, одѣлись, умылись и выглянули въ окошко. Фрина тоже вылѣзла изъ-подъ лавки и стала проситься погулять.

— Поводить-бы ее!.. сказала какая-то дама.

— А долго еще будемъ здѣсь стоять? спросилъ Вова.

— Долго!.. отвѣтилъ одинъ изъ пассажировъ съ сосѣдней верхней полки.— Будемъ здѣсь пропускать курьерскій поѣздъ.

Дѣти вышли изъ вагона и кликнули за собою Фринку. Она была не на привязи, выскочила за ними и обрадовалась свободѣ.

— Какъ-бы она у васъ не ушла! предупредила дѣтей дама.

Фрина спрыгнула на рельсы и стала бѣгать взадъ и впередъ. Она забѣжала потомъ далеко къ депо, затѣмъ помчалась къ станціи и, сѣвъ наконецъ на главномъ пути, стала, вѣроятно, ожидать, когда прибѣгутъ къ ней и дѣти, чтобы начать съ ними играть.

— Фринка! Фринка! кричали ей Вова и Настя, стоя у своего вагона.—Иди сюда! иди! Сейчас тронется поѣздъ!

Но Фрина не обращала на ихъ крики никакого вниманія. Въ это время по главному пути долженъ былъ промчатся курьерскій поѣздъ.

— Уберите собаку! крикнулъ со станціи жандармъ.

Въ это время проходилъ мимо какой-то низшій желѣзнодорож-

ный служащій. Увидѣвъ собаку какъ разъ на пути, онъ спрыгнулъ на рельсы и подбѣжалъ къ ней, чтобы ее схватить. Шумъ курьерскаго поѣзда уже былъ слышенъ ясно.

— Не рискуйте! крикнули ему.
— Поѣздъ уже идетъ!

— Ничего, успѣю! отвѣтилъ онъ и протянулъ къ собакѣ руку.

Она испугалась его и отбѣжала немного дальше. Онъ поманилъ ее къ себѣ, но она не поняла его и, полная страха передъ шипѣвшимъ локомотивомъ, опять перебѣжала на ту пару рельсъ, по которой долженъ былъ пройти курьерскій поѣздъ. Вотъ онъ уже идетъ, вотъ ужъ слышны шипѣніе его локомотива и громъ его колесъ. Вотъ онъ все ближе и ближе и сію минуту проѣдетъ черезъ растерявшуюся собаку и задавитъ ее на смерть. Сердце у дѣтей замерло.

— Да иди-же сюда! крикнулъ Фринѣ желѣзнодорожный служащій.—Вѣдь я хочу тебя спасти!

И онъ бросился къ ней и быстро схватилъ ее за голову. Но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ это сдѣлалъ, неумолимый курьерскій поѣздъ ударилъ его въ плечо, отбросилъ его въ сторону и помчался далѣе.

Собака спасена, но какую цѣной! Вѣдный желѣзнодорожный служака лежалъ сбоку рельсъ безъ чувствъ, съ разбитымъ въ кровь

лицомъ и никто еще не зналъ, живъ онъ или мертвъ.

Пришли кондуктора съ носилками, положили его на нихъ и понесли въ желѣзнодорожную больницу. Фрина послѣдовала за ними.

— Пошла прочь! крикнулъ на нее одинъ изъ кондукторовъ.

Но Фрина, очевидно, поняла, въ чемъ дѣло, и не хотѣла покидать спасаемаго ее человѣка.

— Не тронь ее! сказалъ другой кондукторъ.— Развѣ не видишь? Она теперь отъ него никогда не отстанетъ! Теперь она будетъ ему благодарна навсегда!

А въ это время дѣти кричали: —Фрина! Фрина! Иди сюда!

Но раздался звонокъ, свистнулъ локомотивъ, поѣздъ тронулся и они поѣхали далѣе безъ Фрины. Они залились въ вагонѣ слезами, долго не могли утѣшиться, но все на свѣтѣ кончается,—кончилось и ихъ горе. Развлеченія въ пути овладѣли ихъ вниманіемъ, они поохали, повздыхали, и позабыли на время о Фринѣ.

Пострадавашаго-же служащаго положили въ больницу, сдѣлали ему перевязку, пораненія оказались не опасными и черезъ двѣ недѣли онъ уже выписался изъ нея и явился къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. И все время, пока онъ лежалъ, Фрина сидѣла у двери въ его палату и тяжело вздыхала. Ее отгоняли,

били, не давали ей ѣсть, но она переносила все это съ терпѣніемъ и покорностью и, не смотря ни на что, продолжала сидѣть у двери. Эта ея привязанность къ больному тронула наконецъ людей и, увидѣвъ ее, старшій докторъ сказалъ:—

— Не гоните ее! Скоро ея хозяинъ выздоровѣетъ. Лучше дайте ей поѣсть!

И нужно было только видѣть, съ какой радостью она встрѣтила своего новаго хозяина, когда онъ вышелъ наконецъ изъ больницы. Она бросилась къ нему на грудь, старалась лизнуть его въ самыя губы, визжала отъ радости такъ, что на нее пришлось даже прикрикнуть, и прыгала такъ, что свалила стулъ.

— Вотъ тебѣ, Григорьевъ, и утѣшеніе подъ старость! пошутить надъ выздоровѣвшимъ докторъ.—Кстати, ты живешь одинъ!

Въ тотъ-же день Григорьеву дали мѣсто сторожа въ лѣсу, примыкавшемъ какъ разъ къ одному изъ полустанковъ на той-же дорожкѣ. Онъ долженъ былъ жить въ избушкѣ одинъ и всякій разъ днемъ и ночью, передъ проходомъ поѣзда, опускать шлагбаумъ. Съ котомкой за плечами, онъ отправился къ мѣсту своего служенія.

Собака послѣдовала за нимъ.

— Пошла прочь! крикнулъ онъ на нее.—Чего идешь?

Она повиляла ему хвостомъ и

опять покорно послѣдовала за нимъ. Ему стало жаль ея. Онъ подозвалъ ее къ себѣ, погладилъ ее и глубоко вздохнулъ. Она тоже заскулила.

— Ну, что-жъ дѣлать? сказалъ онъ.— Видно ужъ такова наша судьба! Пойдемъ!

И они отправились вмѣстѣ.

Они поселились въ одинокой избушкѣ въ лѣсу и съ тѣхъ поръ не расставались уже никогда. Фрина будила его, когда долженъ былъ пройти мимо поѣздъ, стерегла его, бѣгала на почту за письмами и часто видѣли, какъ она съ письмомъ въ зубахъ бѣжала черезъ поля и луга въ почтовую контору и возвращалась обратно съ дешевенькой газеткой, которую выписывалъ Григорьевъ.

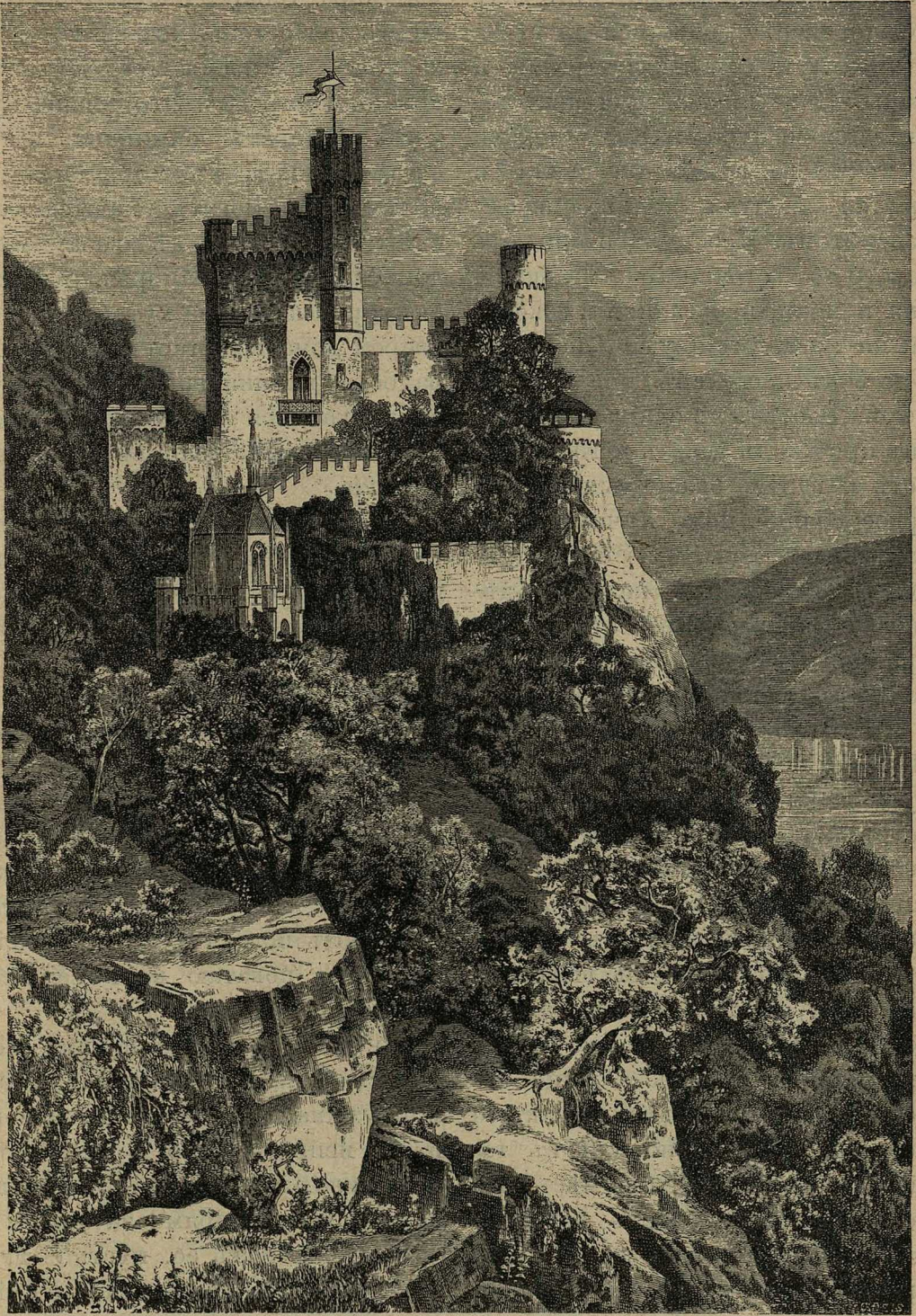
Но вернемся къ Вовѣ и Настѣ. На слѣдующій день послѣ описаннаго случая они приѣхали въ Харьковъ. Здѣсь поѣздъ стоялъ двадцать минутъ, они гуляли, вспоминали опять о своей Фринѣ и имъ было очень грустно. Затѣмъ передъ ними потянулись степи, показавшіяся имъ очень скучными, но день опять пролетѣлъ незамѣтно и опять наступила ночь. Какъ-то все смѣшалось въ ихъ представленіи въ одну сплошную массу, въ которой они уже не могли разобраться: они уже не выглядывали въ окошко на будки и станціи, не хотѣли ѣсть, не хотѣли спать. У нихъ те-

Игрунья.

Замокъ на Рейнѣ.

перь было одно желаніе— это какъ можно скорѣе добраться до мѣста и отдохнуть отъ этихъ тряски и жары. Ночь прошла для нихъ томительно и душно. Они и спали и въ то-же время не спали и крѣпко заснули только передъ разсвѣтомъ. Проснулись они отъ какого-то страннаго мельканія дня и ночи, испугались и вскочили на ноги. Было уже ясное утро и поѣздъ пробѣгалъ черезъ туннели. Влетѣвъ въ одинъ изъ нихъ, онъ пробѣгалъ черезъ него въ темнотѣ и вдругъ сразу вылеталъ на яркое солнце, подъ лучами котораго ѣхалъ до слѣдующаго туннеля. Сначала это казалось дѣтямъ страшнымъ, а затѣмъ они привыкли къ чередованію свѣта и темноты и стали смѣяться.

Но вотъ уже и Севастополь. Поѣздъ останавливается. Долгій путь конченъ. На вокзалѣ ихъ встрѣчаетъ дядя Сергѣй Гаврилычъ. Онъ вбѣгаетъ къ нимъ въ вагонъ, хватаетъ каждого изъ нихъ на руки, прижимаетъ къ себѣ и цѣлуетъ. Затѣмъ они выходятъ на улицу, садятся въ экипажъ и долго по пыльному шоссе ѣдутъ къ дядѣ на хуторъ. Солнце печетъ неумолимо и дѣтямъ какъ-то невесело, что они попали въ такія скучныя, безлѣсныя мѣста. Но вотъ экипажъ дѣлаетъ поворотъ направо, потомъ налево, взбирается на горный кряжъ и дѣти видятъ передъ собой широкое си-

нее море. Внизу, у самаго берега, виднѣется зелень, изъ-за которой ласково выглядываютъ красныя крыши построекъ. Это дядинъ хуторъ. Экипажъ начинаетъ спускаться внизъ, къ морю, и дѣти никакъ не могутъ надышаться свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ, доносящимся со взморья, а когда они пріѣзжаютъ на хуторъ, то изъ дверей дома выбѣгаетъ тетя и отъ радости начинаетъ плакать. Дѣтямъ кажется страннымъ, какъ это взрослый человѣкъ можетъ плакать.

— Милые мои!.. всхлипываетъ тетя. — Дорогіе! Сироточки мои драгоценныя! Вова-то, Вова какой выросъ большой! Давно-ли я на рукахъ его носила!

Послѣ обѣда дядя повелъ своихъ гостей гулять на берегъ моря. Заходило солнце, было прохладно и волны тихо подкатывались къ самымъ ногамъ. Вова собиралъ раковинки и камешки, а Настя никакъ не могла налюбоваться моремъ.

— Вотъ погодите, дѣти, сказалъ дядя, — я покатаю васъ сейчасъ на лодкѣ.

Но дѣти уже устали, имъ хотѣлось спать и когда пришли домой ужинать, то послѣ двухдневнаго, непривычнаго пути Настя положила головку на локти, да такъ и уснула прямо за столомъ.

— Не тревожь ее, пусть спитъ! обратилась тетя къ дядѣ. — Сейчасъ я уложу ее въ постель...

Кликнули старушку-няню, которая нянчила еще самого дядю; она подняла тихонько Настю со стула и понесла ее въ кроватку.

— Тсс!.. шепнула тетя. — Тише!.. Не разбуди ее, Тихоновна!

Такъ Настя и не помнила, какъ ее раздѣли и какъ уложили въ постель.

Рано утромъ Вова уже стучался къ ней въ дверь.

— Вставай, засоня! кричалъ онъ.—Пора уже идти гулять!

— А который часъ? спросила, еле проснувшись, Настя.

— Уже семь часовъ! Дядя и тетя уже проснулись! Всѣ на хуторѣ уже встали!

— Мнѣ хочется спать... Убейся!

— Ничего, вставай! Здѣсь интересно!

Настѣ ужасно хотѣлось поспать еще, но она услышала сквозь сонъ шумъ волнъ и ей захотѣлось посмотрѣть на море. Она встала, одѣлась, умылась и вышла въ столовую. Здѣсь ее уже ожидалъ Вова. Они взялись за руки и побѣжали къ морю. На самомъ берегу у маленькой пристани они увидѣли дядю. Онъ возился около лодки съ рыболовными принадлежностями и что-то объяснялъ рыбаку.

Очевидно, онъ посылалъ его на рыбную ловлю въ море.

— Не будемъ его беспокоить! ска-

залъ Вова.—Мы поздороваемся съ нимъ послѣ, за чаемъ.

На тощей травкѣ паслись корова и нѣсколько овецъ. При приближеніи къ нимъ дѣтей, съ земли вскочила собака и злобно зарычала.

— Шарикъ! На мѣсто! вдругъ слышался чей-то голосъ.

Дѣти увидѣли дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, которая стояла у каменный ограды, отдѣлявшей пастбище отъ сада. Она была смугла отъ загара и ноги ея были грязны отъ пыли. Руки у нея были загорѣлыя и по нимъ было видно, что кромѣ пастыбы скота, она исполняла еще и цѣлый рядъ работъ. Увидѣвъ дѣтей, она подошла къ нимъ и улыбнулась.

— Здравствуйте! сказала она.

— Кто это? спросила Настя у Вовы и посмотрѣла исподлобья.

Вова пристально оглядѣлъ дѣвочку.

— Это пастушка!.. отвѣтилъ онъ.

— Не можетъ быть... пастушки не такъ одѣты... На нихъ бархатные лифчики и кисейные передники съ карманчиками. Кромѣ того, соломенные шляпы... А она — вся грязная!

И они пошли далѣе.

Не получивъ отвѣта на привѣтствіе и смутившись, пастушка опустила глаза. Въ эту самую минуту изъ-за угла вдругъ показался дядя.

— Такъ рано! воскликнулъ онъ, увидѣвъ дѣтей. — Уже на ногахъ! Вотъ такъ молодцы! Ай, да петербуржцы! Ну, здравствуйте! Какъ спали?

Поцѣловавъ дѣтей, онъ потрепалъ ихъ по щекамъ. Затѣмъ онъ перегнулся черезъ ограду и крикнулъ пастушкѣ:

— Фрося, подойди сюда! сказалъ онъ.

Она подошла.

— Ну, племянники, обратился онъ къ Вовѣ и Настѣ, — рекомендую вамъ вотъ эту самую Фросю. Она очень милая, работающая дѣвочка и будетъ вамъ преданной подругой. Можете на нее положиться вполне.

Фрося опустила голову и, какъ ни была смугла, густо покраснѣла.

— Она сирота, продолжалъ дядя. — Матери у нея нѣтъ, а ея отецъ служить гдѣ-то далеко на желѣзной дорогѣ смазчикомъ, не то сторожемъ въ будѣ. Она не видала его уже года три.

И, обратившись къ Фросѣ, онъ спросилъ:

— Ты можешь на нѣсколько времени оставить сегодня скоть? Онъ не разбѣжится безъ тебя?

Фрося оглянулась по сторонамъ.

— Кажется, нѣтъ... сказала она. — Загородка кругомъ... Только-бы не перескочили черезъ нее овцы... Ну, да Шарикъ имъ не позволить!

— Въ такомъ случаѣ мы покажемся сейчасъ въ лодкѣ. Ты будешь у меня за рулевого!

И всѣ вмѣстѣ они стали спускаться къ морю. На берегу, на пескѣ, склонившись на одинъ бокъ, лежала лодка. Дядя сдвинулъ ее въ воду, поставилъ мачту, усадилъ въ нее Вову и Настю и усѣлся самъ.

— Ну, Фрося, обратился онъ къ пастушкѣ. — Ставь парусъ!

Глаза у дѣвочки засвѣтились. Повидимому, ей это дѣло было вполне знакомо. Она быстро развернула и поставила парусъ и лодка, какъ чайка, помчалась по морю.

Это была прекрасная прогулка. На темно-голубомъ небѣ не было ни облачка, море было тихо и спокойно и его волны, на которыхъ не было ни одного гребешка, то поднимали лодку, то опускали и дѣтямъ казалось, что они качались въ люлькѣ.

— Поворачивай, Фрося, назадъ! обратился Сергѣй Гаврилычъ къ Фросѣ, когда накатались уже достаточно. — Ужъ хочется ѣсть!

Дѣтямъ дѣйствительно давно уже хотѣлось ѣсть, но они помалкивали изъ за удовольствія покататься по морю.

Фрося повернула парусъ, Сергѣй Гаврилычъ потянулъ за руль и лодка стрѣлою помчалась къ берегу.

— Видите, какъ она отлично

управляется съ парусомъ? обратился къ дѣтямъ дядя. — Она у меня молодецъ! Я увѣренъ, что вамъ съ нею скучно не будетъ!

Но Вова и Настя все еще смотрѣли на замарашку исподлобья и имъ было непріятно, что у нея были загорѣлыя руки и лицо и что на ней не было бархатнаго лифчика, соломенной шляпы и кисейнаго передника.

Какая Сандрильона!

Дѣти вернулись домой полные восторга отъ прогулки и тотчасъ же, какъ голодные шакалы, накинулись на ѣду. Тетя не знала, чѣмъ ихъ угостить и давала имъ то того, то другого, накладывая по полной тарелкѣ.

— Кушайте, мои ангелочки! говорила она. — Безъ родной мамы васъ некому и накормить!

А Фрося вернулась къ своему стаду и испытывала странное чувство обиды и удивленія. Отношеніе къ ней Вовы и Насти, о которыхъ она такъ много слышала отъ Сергѣя Гаврилыча, удивляло ее и ей было дико, что эти петербургскія дѣти, къ одному имени которыхъ она привыкла относиться съ уваженіемъ, къ ней относились такъ грубо и недовѣрчиво.

Неужели-же на нихъ такъ подѣйствовали ея бѣдное платье, ея простое, грубоватое лицо и то, что она не знала тѣхъ свѣтскихъ приемовъ, которые знали они? Она не хотѣла этому вѣрить и всякій разъ, завидѣвъ ихъ потомъ издалека, бросалась къ нимъ на встрѣчу.

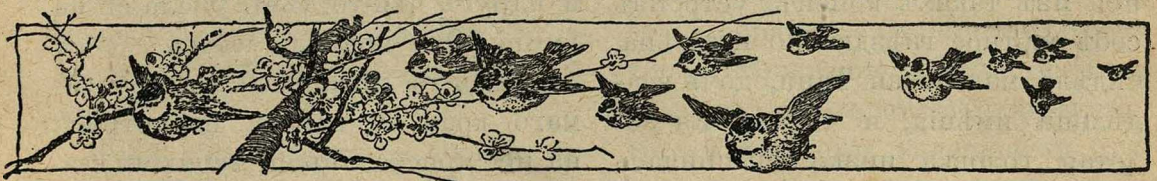
Но они попрежнему продолжали ея сторониться и имъ казалось, что если они протянутъ ей руку или сядутъ съ нею рядомъ, то станутъ отъ этого хуже и потеряютъ во мнѣніи другихъ. И такъ проходили дни за днями.

— Напишу отцу, рѣшила Фрося. — Только вчера онъ прислалъ мнѣ письмо, что цѣлыя двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ изъ за чьей-то собаки... Теперь у него цѣлая избушка и живетъ онъ въ ней одинъ... Уѣду къ нему... Напишу ему!

И возвратясь однажды къ себѣ на скотный дворъ, она добыла бумаги и конвертъ, долго царапала по нимъ перомъ и, довольная, что письмо ей удалось, побѣжала на почтовую дорогу, чтобы встрѣтить почтаря и передать ему это письмо.

Эльфъ.

(Окончате слѣдуетъ).

О К Т Я Б Р Ъ .

Цвѣли цвѣты... Какъ яркіе рубины,
 Въ моемъ саду гвоздика и левкой
 Пылали красками; пестрѣли георгины
 И цвѣлъ табакъ душистой бѣлизной.
 Шель ароматъ отъ зелени росистой
 И, сколько было лягушиныхъ силъ,
 Лягушки квакали, и гдѣ-то голосистый
 Соловко звонко трели выводилъ.
 И вотъ всего ужъ нѣтъ!.. Дожди ручьями
 Съ небесъ текутъ... Настали холода,
 Задули вѣтры съ сѣвера, — и ужъ полями
 Пастись не ходятъ тучныя стада.
 Ужъ не цвѣтутъ левкои, георгины,
 Ужъ не трещатъ кузнечикъ и сверчокъ,
 Завяло все и только на рябинѣ
 Еще краснѣетъ ягодокъ пучекъ.
 Не слышно птицъ, лишь робкія синицы,
 Да чижики зеленые пищатъ,
 И чуть съ утра проглянетъ лучъ денницы, —
 Какъ на гумнѣ цѣпами ужъ стучатъ...

Кузнечикъ.

Д В Ъ Д Ё В О Ч К И .

Былъ яркій лѣтній день, шель надъ книгой и дѣвочка такъ увлек-
 сѣнокосъ и только что скошенное лась чтеніемъ, что позабыла обо
 и высушенное сѣно стояло неболь- всемъ на свѣтѣ. Уже цѣлые два
 шими копнами по лугу. Подъ од- или три часа она сидѣла такъ одна
 ной изъ такихъ копенъ, устроивъ и вдругъ чья-то тѣнь упала ей на
 себѣ уютное гнѣздышко изъ сѣна, книгу. Она подняла глаза.
 сидѣла маленькая Таня, дочь вла- Какая-то дѣвочка стояла у са-
 дѣльца имѣнія, и читала. Ея зо- маго края ея гнѣзда и смотрѣла
 лотая головка низко склонилась на нее пристальными черными гла-

зами. По ея наружному виду и тѣмъ лохмотьямъ, въ которые она была одѣта, Таня сразу-же догадалась, что это была Поля, только недавно появившаяся у нихъ въ деревнѣ дѣвочка. О ней говорили, что ея отецъ былъ сосланъ за что-то въ Сибирь и такъ какъ матери у нея не было, то кто-то привезъ ее сюда и сдалъ ее на руки одинокой теткѣ. Тетка посылала ее побираться по міру, не кормила, не одѣвала и попрекала преступленіемъ отца.

При видѣ нищенки Таня вздрогнула.

— Здравствуйте, барышня! обратилась къ ней Поля.—Чего вы такъ испугались?

Таня смутилась.

— Ты подошла такъ потихоньку... отвѣтила она.—Я не замѣтила тебя и вздрогнула...

Поля какъ-то странно хихикнула и сѣла на край гнѣзда.

— Вы читаете? спросила она.

— Да, отвѣтила Таня.

— А что вы читаете?

— Такъ... Книгу... Вчера папа привезъ изъ города.

— А я не умѣю читать!..

— Развѣ ты не ходишь въ училище?

Поля усмѣхнулась.

— Я-то? Да развѣ въ такихъ лохмотьяхъ пустятъ въ школу? отвѣтила она.—Да меня тамъ и засмѣютъ!

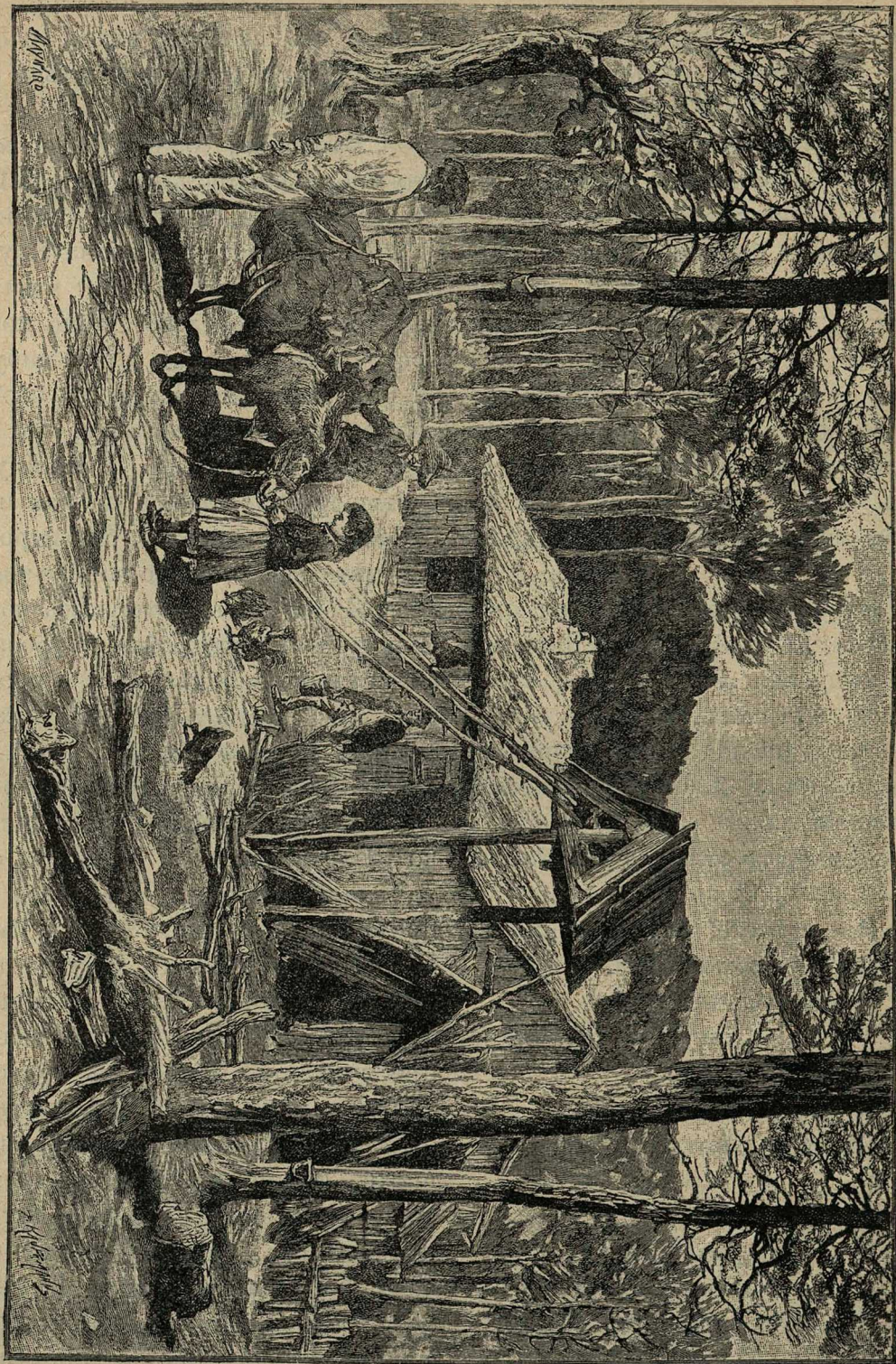
Танѣ стало ея жаль. Она не на-

плась, что сказать далѣе, и обѣ дѣвочки еще долго просидѣли рядомъ и молчали.

— Барышня, расскажите мнѣ что-нибудь? вдругъ попросила Поля.—О чемъ пишутъ въ книгахъ?

Таня читала Робинзона-Крузо. Она такъ увлеклась этой книгой, что ей и самой уже давно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь ея содержаніемъ. Глаза ея засвѣтились, она обрадовалась, что нашла слушательницу и, откинувъ густые волосы назадъ, начала свой рассказъ. Ея простое, безхитростное дѣтское повѣствованіе о томъ, какъ Робинзонъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, какъ его выбросило волнами на необитаемый островъ, какъ онъ тамъ устроился и какъ нашелъ потомъ вѣрнаго друга въ лицѣ Пятницы, тронулъ Полю до глубины души. Она сидѣла, широко открывъ глаза и разинувъ отъ удивленія ротъ, и старалась не проронить ни одного слова Тани. Неужели въ книгахъ могутъ такъ интересно писать? Неужели міръ состоитъ не изъ однихъ только преступленій, попрековъ кускомъ хлѣба и побоевъ? Неужели кромѣ этой бѣдной, сѣрой съ прикорнувшими, точно дряхлыя старушки, избами деревни, есть еще другой просторный, свѣтлый міръ, гдѣ люди борятся съ природой, создаютъ, открываютъ новыя острова, совершаютъ геройскіе поступки? Неужели этими маленькими бук-

Первое жилище колониста въ Браилахъ.

вами, которыя сѣмнять въ глазахъ, какъ горохъ, могутъ быть написаны такія исторіи, которыя захватываютъ все вниманіе чловѣка и переворачиваютъ всю его жизнь?

И, полная удивленія и уваженія къ книгѣ, Поля не смѣла шелохнуться и большими обожающими глазами смотрѣла на Таню.

— А дальше я уже не знаю, что было, вдругъ прервала свой рассказъ Таня. — Я еще не дочитала до конца. Приходи завтра, я доскажу!

Поля была, какъ во снѣ. Развитая не по лѣтамъ, цѣлые дни проводившая лицомъ къ лицу съ природой, привыкшая задумываться, она не знала, какъ ей справиться съ массой нахлынувшихъ на нее впечатлѣній, и поднялась на ноги.

— Прощайте, барышня! сказала она.

— Прощай... отвѣтила Таня. — Приходи еще!

Поля отошла на нѣсколько шаговъ, а затѣмъ остановилась и стала большими, черными глазами смотрѣть на Таню. Та поднялась тоже, стряхнула съ себя сѣно, поправила платье и, чувствуя на себѣ пристальный взглядъ По-

ли, отправилась домой. Ей неловко было обернуться назадъ.

— Прощайте, барышня! еще разъ крикнула Поля.

Таня кивнула ей головой и скрылась за живую изгородью усадьбы.

Поля еще долго смотрѣла ей вслѣдъ, а затѣмъ, точно испугав-

Набѣгалась.

пись чего-то, или о чемъ-то вспомнивъ, пустилась бѣжать бѣгомъ. Она боялась, какъ-бы кто-нибудь не отнялъ отъ нея того впечатлѣнія, которое получилось у нея отъ разказа Тани.

На слѣдующій день Таня опять сидѣла у себя въ гнѣздышкѣ на лугу и около нея опять сѣла Поля, которая внимательно выслушивала окончаніе Робинзона.

— Какъ-бы я хотѣла жить на необитаемомъ островѣ одна! сказала Поля, когда Таня окончила свой разказъ.— Или такъ: чтобы вы, барышня, были Робинзономъ, а я вашей Пятницей!

Таня улыбнулась.

— А ты будешь, спросила она шутя,— мнѣ такъ-же предана, какъ и Пятница Робинзону?

Вмѣсто отвѣта Поля посмотрѣла на нее такими глазами, что Таня сразу-же поняла, что приобрѣла въ Полѣ вѣрную, преданную слугу.

Съ этихъ поръ между дѣвочками началась дружба. Каждый день онѣ встрѣчались то на лугу, то въ полѣ, то у живой изгороди усадьбы и всякій разъ Таня рассказывала Полѣ что-нибудь интересное, что ей удалось прочесть или услышать отъ отца. Но вскорѣ эти встрѣчи должны были прекратиться.

— Мнѣ не нравится эта твоя дружба съ нищенкой, сказалъ Танѣ отецъ.— Она изъ плохой семьи. Ея отецъ—въ ссылкѣ, да и тетка то-

же не чиста на руку. Мало-ли чему она можетъ тебя научить?

Танѣ было больно это слышать. Но она понимала, что ея отецъ былъ съ своей стороны правъ, и не возражала ничего. Ей только хотѣлось оправдать Полю, выродить ее во мнѣніи другихъ, доказать, что она вовсе была не такова, какой ее считали, но всѣ ея доводы оказались тщетными. Она примирилась, ушла въ себя и перестала выходить изъ усадьбы. Ей было безъ Поля какъ-то пусто и скучно.

Поля была очень удивлена, не встрѣтивъ разъ и другой Таню.

— Ужъ не больна-ли она? подумала она съ тревогой.

Но, подойдя однажды къ самому забору усадьбы и увидавъ въ саду Таню, которая весело играла со своей большой собакой Джимомъ, она чутьемъ догадалась, что ей запретили къ ней выходить, и съ грустью побрела прочь. Она стала вести прежнюю цыганскую жизнь попрошайки, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствовала, что ей не достаетъ Тани, и это причиняло ей боль. Когда теперь она увидитъ свою подругу? Развѣ возможно ей, нищенкѣ, продолжать знакомство съ барышней, единственной дочерью отца, которой со временемъ будетъ принадлежать вся эта усадьба? Теперь она опять будетъ одинокой. Теперь ее опять не пожалѣетъ никто. Да

и можетъ-ли она позабыть о Танѣ? Развѣ кромѣ Тани у нея есть на свѣтѣ хоть одинъ близкій человѣкъ? Ея мать умерла тогда, когда она была еще груднымъ ребенкомъ, а отецъ смотрѣлъ на нее просто какъ на вещь, которую можно было бить, отдавать въ услуженіе, держать подъ открытымъ небомъ и не одѣвать. Еще никто на свѣтѣ не разговаривалъ съ нею такъ, какъ Таня. Никто ни разу такъ ласково не взялъ ее за руку, какъ брала эта богатая изнѣженная дочь богатаго помѣщика. Такихъ исторій, какія ей рассказала Таня, она не слышала ни отъ кого. И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше Поля чувствовала къ Танѣ нѣжность и уваженіе и увидѣть ее хоть разъ, поговорить съ нею хоть одну минуту стало теперь потребностью ея души.

И она стала выискивать случая, какъ-бы ее повидать. Случай этотъ скоро представился.

По ту сторону поля былъ лѣсъ. У самой его опушки текла быстрая рѣчка, черезъ которую былъ перекинутъ узенькій, бревенчатый мостокъ, такой жидкій, что его бревнышки ходили подъ ногами. Черезъ него переходили всѣ, и даже пьяные мужики, и никому и въ голову не приходило, что онъ могъ бы быть прочнѣе. Служить — и спасибо.

Поля увидала однажды, какъ Таня перешла вмѣстѣ съ собакой Жи-

момъ черезъ этотъ мостокъ и отправилась за грибами въ лѣсъ. Сердце у нея забилося.

— Я подожду ее здѣсь, рѣшила она, — и когда она будетъ выходить изъ лѣсу, то я окликну ее и помогу ей донести грибы.

И она сѣла на бережку и стала терпѣливо ожидать возвращенія изъ лѣса Тани.

Прошелъ часъ, другой и вдругъ сквозь листву показалось розовое платье Тани. Поля поднялась съ мѣста и трепетно стала вглядываться, приложивъ ладонь къ глазамъ отъ бившаго солнца. Да, это она, ея ненаглядная Таня! Рядомъ съ нею, высунувъ розовый языкъ, бѣжитъ громадный песъ Джимъ. Вотъ она уже вышла изъ лѣса, вотъ уже подходитъ къ мостику, но все еще не замѣчаетъ Полю. Джимъ вбѣгаетъ на мостокъ первый, становится на полдорогѣ и, почуявъ Полю, дѣлаетъ стойку. За нимъ входитъ на мостокъ и Таня. На ней большая соломенная шляпа и сзади красный бантъ, сквозь который просвѣчиваетъ солнце.

— Таня! вскрикнула Поля и почувствовала, какъ что-то комомъ подкатило ей къ горлу. — Таня!

Дѣвочка вглядѣлась, узнала нищенку и съ радостнымъ визгомъ побѣжала по ненадежному мостику, чтобы поскорѣе съ ней встрѣтиться. На пути ей подвернулся подъ ноги Джимъ, бревешки вы-

скользнули у нея изъ-подъ ногъ и она всей тяжестью своего тѣла упала въ рѣку.

— Поля! Поля! только и успѣла она произнести.

Поля услышала этотъ раздирающій душу крикъ и въ первую минуту не знала, на что рѣшиться и что ей дѣлать. Она безпомощно стояла на берегу и глядѣла на барахтавшуюся въ водѣ дѣвочку, которую быстрымъ теченіемъ относило въ сторону. Шляпу уже давно сорвало съ нея и умчало далеко къ тому берегу. Джимъ все еще стоялъ на мосткѣ и громко вылъ. Тогда Поля сообразила весь ужасъ положенія, быстро спохватилась, отломала отъ ивы вѣтку и протянула ее къ Танѣ. Та уцѣпилась за нее, но вѣтка оборвалась. Тогда Поля сама бросилась въ рѣку, схватила Таню за платье и вытащила ее на берегъ, болѣе блѣдная сама, чѣмъ дѣвочка, которую она спасла.

А затѣмъ поблѣднѣла и Таня и, точно мертвая, вытянулась во весь свой ростъ и такъ и осталась недвижимо лежать на берегу.

— Она умерла! вскрикнула Поля. — Она захлебнулась!

И не помня себя отъ горя, она взвалила утопленницу къ себѣ на плечи и, насколько хватило у нея силъ, побѣжала съ нею къ усадьбѣ. Но ей оказалось не подъ силу нести свою ровестницу. Она свалила ее съ плечъ, обхватила ее

поперекъ талии и уже поволокла ее по землѣ. Мокрая юбка путалась у нея въ ногахъ и мѣшала ей идти. Сбоку жалобно скулилъ Джимъ.

— Да очнитесь-же, барышня, умоляла Поля. — Откройте глазки!

Но Таня все еще была безъ чувствъ и не слышала ничего. Цѣлою вѣчностью показался для Поли путь до усадьбы. Но вотъ уже и барскій дворъ. Не смѣя подходить къ парадному крыльцу, Поля дотащила Таню къ кухнѣ и крикнула въ открытое окно: —

— Возьмите, барышню! Ей нехорошо!

Выбѣжала няня Арсентьевна и, увидавъ Полю, всплеснула руками.

— Ты опять здѣсь? крикнула она на нее. — Вѣдь тебѣ не приказано сюда ходить!

— Возьмите барышню, повторила Поля. — Она утопла! Я сейчасъ вытащила ее изъ рѣки.

Няня такъ и остолбенѣла. Она схватила Таню на руки и тотчасъ-же унесла ее въ домъ. Слышно было потомъ, какъ тамъ всѣ начали хлопотать. Поля опустилась на землю, закрыла ладонями лицо и стала плакать.

— Иди ты прочь! крикнулъ на нее садовникъ, которому не было извѣстно еще ничего. — Шатаешься тутъ, побирушка!

Она поднялась и робко, съжививъ плечи, вышла изъ усадьбы.

На слѣдующій день, рано ут-

ромъ, она уже снова, пробиралась тайкомъ къ дому, боясь, какъ бы ее не прогнали. Проходя по дорожкамъ сада и то и дѣло прячась за клумбы цвѣтовъ, она дошла наконецъ до кухни.

— Войди, Поля! вдругъ крикнула ей Арсентьевна.

Поля вошла.

— Танѣ лучше, сказала няня совсѣмъ уже другимъ тономъ, чѣмъ говорила съ Полей раньше.— Она все рассказала барынѣ и мы хотѣли уже за тобой послать, да ты пришла сама.

А затѣмъ вошла въ кухню и сама мама Тани.

— Поля, сказала она, мнѣ Таня рассказала все. Я не знаю, чѣмъ мнѣ тебя благодарить. Я никогда, никогда не забуду твоей услуги!

Поля стыдливо опустила глаза.

— А она не умретъ? робко спросила она.

— Нѣтъ, она завтра уже будетъ бѣгать! Она сейчасъ спитъ. Если хочешь, — зайди, посмотри на нее!

Поля робко вошла въ спальную. Она еще ни разу въ жизни не бывала въ комнатахъ барскаго дома и переступила порогъ съ такимъ волненіемъ, точно входила въ священное мѣсто. Въ спальней было прохладно и сквозь спущенныя желтоватыя занавѣски едва пробивался солнечный свѣтъ и окрашивалъ все въ оранжевый цвѣтъ. Пахло духами и цвѣтами. У стѣны,

на чистой, красивой кровати спала Таня. Поля подошла къ ней, постояла съ минуту, а затѣмъ быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ склонилась надъ ней и жадно поцѣловала одинъ изъ локоновъ Тани, рассыпавшихся по подушкѣ.

И прежде чѣмъ мама успѣла удержать ее или сказать ей два слова, она уже выскочила надворъ, и по дорожкѣ сада, не чуя подъ собой ногъ, побѣжала къ калиткѣ. Она испугалась, какъ-бы не подумали, что она украла этотъ поцѣлуй.

— Поля! Поля! послышался позади нея голосъ отца Тани.— Вернись! Остановись! Я хочу тебѣ что-то сказать!

Она узнала этотъ голосъ и остановилась. Вѣроятно сейчасъ ее будутъ ругать, а, можетъ быть, даже и побьютъ за то, что она осмѣлилась поцѣловать волосы Тани. Но хозяинъ подошелъ къ ней взявъ ее за руку и, молча и ласково, повелъ ее обратно къ дому.

— Няня, крикнулъ онъ въ окошко.— Умойте Полю и одѣньте ее почище! Она останется у насъ совсѣмъ!

Поля недовѣрчиво, какъ затнанный звѣрокъ, посмотрѣла на барина и вдругъ стала горько плакать. Она не ожидала такой развязки.

Вошла няня и взяла ее за руку.

— Пойдемъ, моя касатка! ска-

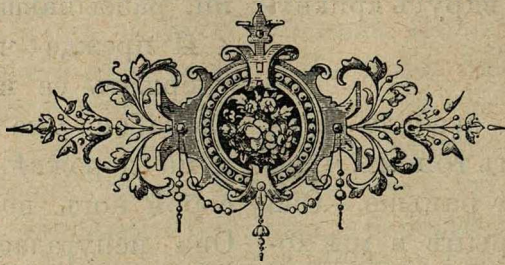

зала она. - Пойдемъ, горемычная сирота!

И обѣ вмѣстѣ онѣ вошли въ кухню. А затѣмъ слышались разговоры и веселый, счастливый

смѣхъ. Это смѣялись проснувшаяся Таня и ея подруга Поля, которая поселилась въ этомъ домѣ уже навсегда.

Гальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ этихъ словъ фразу, которой начинается извѣстная басня Крылова:

- 1) Пуля попала воронѣ въ крыло.
- 2) Была ночь, всѣ спали, только гдѣ-то на горизонтѣ свѣтился огонекъ.
- 3) Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.
- 4) Я давно уже послалъ письмо, но отвѣта еще не получилъ.
- 5) Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
- 6) Мы нигдѣ не могли достать настоящаго швейцарскаго сыру.

II.

Задумано названіе южнаго города, состоящее изъ 11 буквъ. Изъ этихъ буквъ можно составить слѣ-

дующія слова: 1) названіе дерева, 2) число, 3) то, что кладутъ въ одежду для тепла, 4) верхнюю одежду, 5) то, на чемъ спятъ, 6) металлъ, 7) то, что прививаютъ людямъ въ дѣтствѣ.

Какія это слова и какой городъ?

III.

Названіе города можно прочитывать по первымъ буквамъ слѣдующихъ словъ:

- 1) надоѣдливое, домашнее насекомое (рыжее или черное).
- 2) жилище пчель.
- 3) кислый, душистый фруктъ.
- 4) большой, круглый, сладкій овощъ.

Какія это слова и какой городъ?

IV.

Почему во время бури пароходъ качается съ боку на бокъ?

V.

Названія какихъ цвѣтовъ за-ключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Для постройки уже пригото-влены гвозди, камни и бревна.

2) Ужъ скоро, скоро загудитъ вѣтеръ и начнутся метели.

3) Неправда-ли, Лія была первой женой Иакова?

4) Въ супъ кладутъ коренья, мясо, зелень и рисъ.

5) Мы застраховали домъ отъ пожара.

VI.

Почему птицы улетаютъ въ теп-лыя страны именно осенью, а не весною?

VII.

Сколько у всѣхъ негровъ на свѣтѣ носовъ?

VIII.

Кто при дворѣ Петра Великаго носилъ самыя большія перчатки?

Рѣшеніе ребуса № 21, помѣщенного въ № 21 «Золотого Дѣтства». Око+л+о+ре+киска+мышь+а+ми+со+бра+лось+въ+сте стадо=Около рѣки съ камышами собралось все стадо.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Сережа Тушканчикъ, Витя Семеновъ, Валя Рожаловская, Женя Стрекоза, Вадя и Шуня Кардасевичи, Надя Бауеръ, Нюся и Маруся Вѣломазовы, Миша Малышъ, Аня Кильчевская, Маруся и Леля Чесаловы, Митя Коляскинъ, Вѣруся Климова, Сережа, Игорь и Лина Халтурины, Тая Лягушопокъ, Коля Рыхляковъ, Стася и Вѣра, Гали-

на и Ростиславъ Арбузовы, Тоня, Ваня, Зина и Боря—техникъ, Олечка пушокъ, Нина Плаксинъ, Маргоша Бергъ, Рита и Нелли Марковы. Саша Иволгинъ, Надя Астрова, Хлопчикъ — Грицько, Бѣлая-роза, Марочка и Вѣрочка Брусковы, Константинъ Орѣховъ, Братя Навозовы, Надя, Оля, Миша, Тина и Триша Пѣтуховы, Вова-головастикъ, Робинзонъ-Крузо, Ваня Александровъ, Гриша Ивановъ, Варя Конопаткина, Оля и Володя Лебедевы, Сергій Лосевъ, Борисъ и Глѣбъ Петровскіе, Коля и Вася Щегловы, Игорь Десницкій, Женичка Михайлова, Василій Островскій, Паша Аладьина, Нина Голубкова.

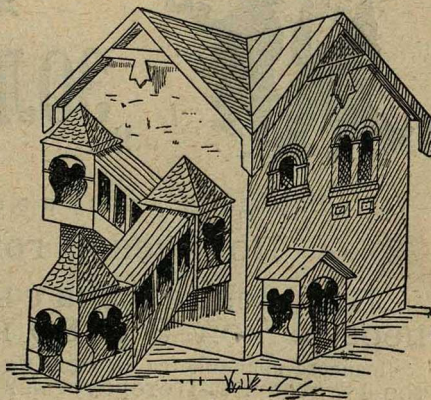
Это уже *предпоследній* номеръ „Золотого Дѣтства“ за этотъ годъ.

Не забудьте, что съ

1-го Ноября

начинается новый под-писной годъ.

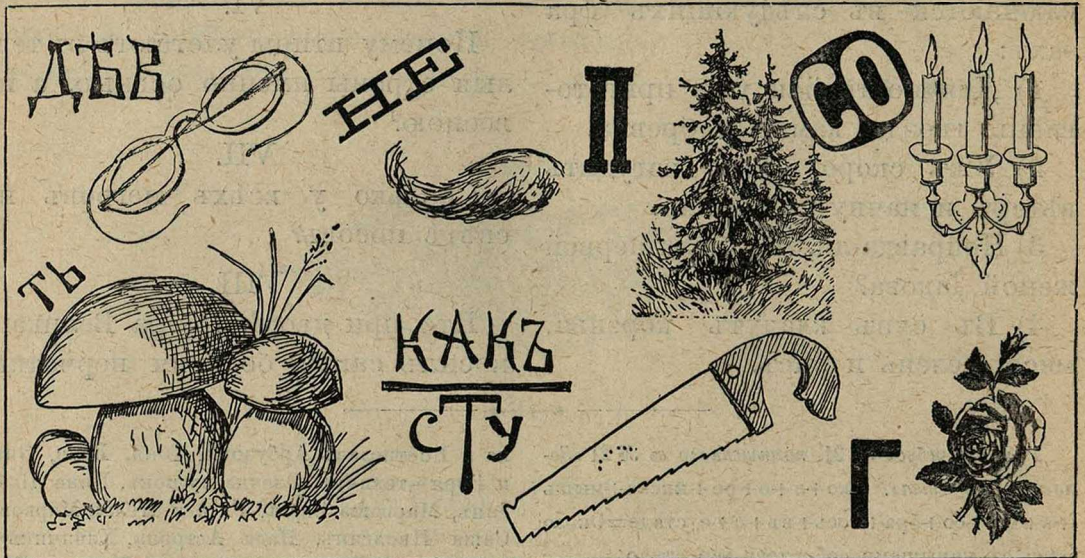
Подписка уже открыта.

Модель приложеніи къ этому номеру.

Ребусъ № 23.

(Фамилія подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

художественно - литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

—+ Подписной годъ съ 1-го Ноября. —+

Подписная цѣна съ доставкой и
пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский, 26, и въ извѣстн. книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

художественно-литературный журналъ

„ДЛЯ ДѢТЕЙ“ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чеховъ.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ

Очень рекомендуется:

Книга для дѣтей,

„Дружокъ и Томка“

Повѣсть съ иллюстраціями.

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала
„Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 26.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.